

О. Генри

ВЫКУП
ЗА РЫЖЕГО ВОЖДЯ

О. Генри

Выкуп за рыжего вождя

«Фолио»

О. Генри

Выкуп за рыжего вождя / О. Генри — «Фолио»,

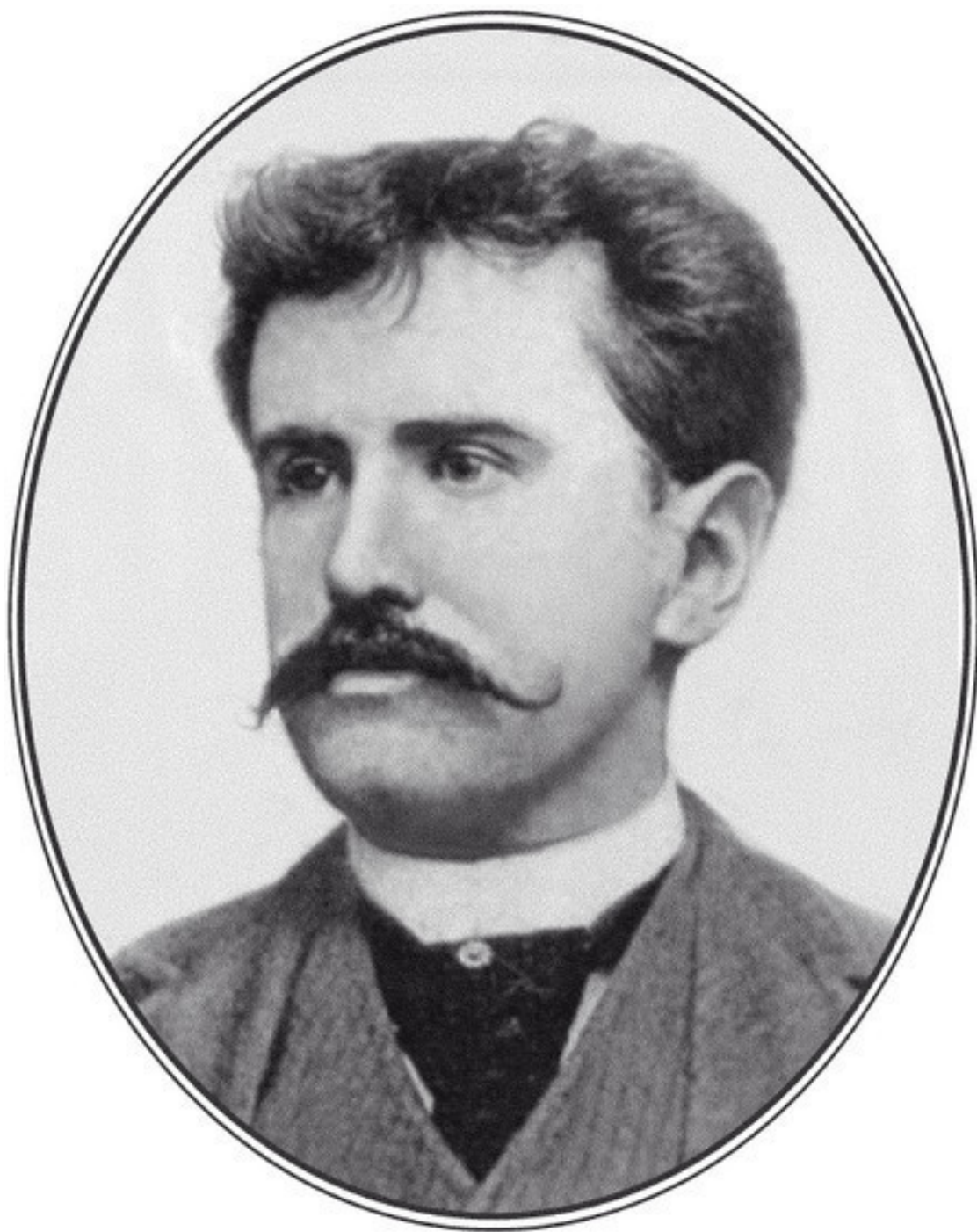
О.Генри — выдающийся американский новеллист. Его произведения привлекают читателя блестящим юмором и неожиданной развязкой. О. Генри называют Великим Утешителем - в его произведениях всегда появляется тот, кто готов прийти на помощь отчаявшимся и погибающим, чтобы обеспечить реалистическому рассказу неожиданную развязку. В книгу вошли новые переводы известных рассказов.

© О. Генри

© Фолио

Содержание

Выкуп за Рыжего Вождя	6
Дороги, которые мы выбираем	14
Дары волхвов	18
Справочник Гименя	23
Конец ознакомительного фрагмента.	25

1862—1910

О. Генри

Выкуп за рыжего вождя

Выкуп за Рыжего Вождя

Уж больно соблазнительной казалась эта затея. Но погоди, давай-ка по порядку. Значит, мы тогда работали на юге, в Алабаме – Билл Дрисколл и я. Вот тут-то нам и шибанула в голову эта идея насчет похищения. Потом Билл говорил, что, мол, это было «временное помрачение рассудка». Вот только поняли мы это гораздо позже.

Там, в Алабаме, есть один городишко – плоский, как блин, а называется, естественно, Вершина. Народ там живет безобидный и незамысловатый, всем довольные крестьяне, которым лишь бы потоптаться вокруг Майского шеста.

У нас с Биллом всего капитала было долларов шестьсот на двоих, ну и, значит, не хватало еще две тысячи ровно, чтобы повернуть одно славное дельце, связанное с продажей земельных участков в западном Иллинойсе. Вот мы и уселись на крылечке гостиницы потолковать об этом. Жители захолустья, рассудили мы, отличаются особым чадолубием. А потому операция с похищением имеет больше шансов на успех именно в такой, полусельской дыре, а не там, где чувствуется влияние газет, которые поднимают шум и рассылают по всей округе переодетых репортеров, чтобы каламутить и науськивать публику. Мы точно знали, что этот городишко не сможет противопоставить нам ничего серьезного, разве что констеблей, да, может, пару сыщиков-аматоров, да еще пару обличительных заметок в еженедельнике «Фермерский бюджет». Так что выглядело все соблазнительно.

В качестве жертвы мы выбрали единственного сына одного почтенного горожанина по имени Эбenezер Дорсет. Это был подтянутый, респектабельный папаша, охотник за просроченными закладными, суровый и неподкупный церковный сборщик. Отпрыск был мальчишка лет десяти, весь обсыпанный огромными веснушками, с копной волос немыслимого цвета, словно сошел с обложки журнала, что покупают в спешке на перроне за минуту до отхода поезда. Мы с Биллом решили, что сможем раскрутить этого Эбenezера на выкуп в две тысячи долларов, и ни центом меньше. Но погоди, давай-ка по порядку.

В милях двух от городка есть гора – невысокая, вся поросшая густым кедровником. На заднем склоне горы имеется пещера. Там мы спрятали наши припасы. Однажды вечером, только село солнце, мы покатали на тарантасе мимо дома старика Дорсета.

Мальчишка гулял на улице – швырял камни в котенка, сидевшего на заборе через дорогу.

– Эй, мальчик, – сказал Билл, – хочешь пакетик леденцов и прокатиться в тарантасе?

Мальчишка заехал Биллу половинкой кирпича прямо в глаз.

– Это обойдется старику в лишние полтыщи долларов, – сказал Билл, спускаясь на землю.

Мальчишка дрался, словно бурый медведь средней весовой категории, но в конце концов мы затащили его в тарантас, уложили на пол и поехали. Мы отвезли его в пещеру, а лошадь я привязал в кедровой рощице. Как только стемнело, я отогнал тарантас в деревушку, где мы его позаимствовали, милях в трех от нашей горы, а назад вернулся пешком.

Подхожу я, а Билл сидит и заклеивает пластырем царапины и ссадины на своей физиономии. За обломком скалы у входа в пещеру горит костер, и мальчишка, с двумя ястребиными перьями в рыжей копне, внимательно следит за закипающим кофейником. Увидел он меня – и целится мне в голову палкой, и орет:

– Эй ты, проклятый бледнолицый! Как смеешь ты являться в лагерь Рыжего Вождя, грозы прерий?

– Все в порядке, он уже успокоился, – говорит Билл, закатывая штанины и разглядывая синяки у себя на голяшках. – Мы играли в индейцев. Шоу Буфало Билла отдыхает! Просто детский лепет на лужайке по сравнению с нами. Я теперь Хэнк, старый охотник и пленник Рыжего Вождя. На рассвете с меня снимут скальп. Святой Боже! Ну он и лягается, гаденыш!

Вот так, сэр. Мальчишка, похоже, был счастлив, как никогда, и полностью доволен жизнью. Жить в пещере, жечь костер – что может быть прекраснее! Мальчишка напрочь забыл, что он и сам пленник! Меня он тут же окрестил Змеиным Глазом, сказал, что я вражеский лазутчик, и заявил, что на восходе солнца меня изжарят на костре – как только его храбрые воины вернутся с тропы войны.

Потом мы сели ужинать. Мальчишка набил полный рот беконом и хлебом и выдал примерно такую тираду:

– Здесь классно. Никогда не жил в лесу, зато у меня был ручной опоссум, а в прошлый день рождения мне исполнилось девять. Терпеть не могу ходить в школу. У тетки Джимми Талбота в курятнике крысы сожрали шестнадцать яиц от рябой курицы. А тут в лесу еще есть настоящие индейцы? Дайте еще подливки. А правда ведь, ветер дует оттого, что деревья качаются? У нас было пять штук щенков. Хэнк, а чего у тебя нос такой красный? У моего папки денег – куры не клюют. Слушай, а звезды, они горячие? Я Эда Уокера поколотил в ту субботу, два раза. Не люблю девчонок. Жабу просто так не поймать – только на веревочку надо. А быки реветь умеют? Почему апельсины круглые? А у вас в пещере кровати есть, чтоб спать? У Амоса Меррея шесть пальцев на ноге. Вот, попугаи говорят, а обезьяны и рыбы – нет. А сколько надо сложить, чтобы вышло двенадцать?

Каждые пять минут мальчишка вспоминал, что он свирепый краснокожий, хватался за ружье в виде палки и крался к выходу – выслеживать лазутчиков проклятых бледнолицых. Время от времени он издавал жуткий боевой клич, от которого у старого охотника Хэнка мороз шел по коже.

Да, старину Билла этот мальчишка запугал с самого начала.

– Послушай, Рыжий Вождь, – говорю я ему, – а не хочется ли тебе отправиться домой?

– Это еще зачем? Да ну его! – говорит он. – Там такая скукота. Терпеть не могу ходить в школу. Мне нравится жить в лесу! Ты же не поведешь меня домой? Правда, Змеиный Глаз?

– Пока нет, – говорю я. – Мы поживем немного тут, в пещере.

– Вот здорово! – говорит он. – Отлично! Мне ни разу в жизни не было так весело!

Спать мы улеглись около одиннадцати. Расстелили стеганные одеяла, другими укрылись, а Рыжего Вождя уложили между собой. Что он сбежит, у нас и в мыслях не было. Три часа он не давал нам уснуть – все вскакивал и хватался за ружье. Ему все чудился то хруст сухой ветки, то подозрительный шелест листьев, и его молодое воображение рисовало страшные картины – будто к пещере крадется шайка бандитов, и он оглушительным шепотом шипел в ухо мне или Биллу: «Тихо, приятель!» Наконец я забылся тревожным сном, и снилось мне, будто меня схватил и приковал к дереву свирепый рыжеволосый пират.

Когда стало светать, меня разбудил визг Билла. Он не кричал, не вопил, не ревел и не выл, как пристало бы крупному мужчине, а именно визжал – неприлично, унижительно и жутко, как визжат женщины, увидев привидение или гусеницу. Это просто ужас, скажу я вам, когда толстый, сильный и отчаянно смелый мужчина лежит и визжит без умолку в пещере на рассвете дня.

Я вскочил посмотреть, в чем там дело. И вижу: у Билла на груди сидит Рыжий Вождь. Одной рукой вцепился ему в волосы, а в другой держит наш большой и острый столовый нож, которым мы нарезали бекон, и очень старательно и реалистично снимает с Билла скальп – в полном соответствии с приговором, оглашенным накануне.

Я забрал у мальчишки нож и опять уложил его в постель. Но с этой минуты дух Билла был сломлен. Он улегся на свое место, но глаз больше не сомкнул за все время, пока мальчишка

оставался с нами. Я задремал ненадолго, но ближе к рассвету вдруг вспомнил, что Рыжий Вождь намеревался сжечь меня на костре на восходе солнца. Не скажу, чтобы я нервничал или боялся, но все же сел, закурил трубку и привалился спиной к скале.

– Ты чего вскочил в такую рань? – спрашивает Билл.

– Я-то? – говорю. – Да что-то плечо ноет. Хочу посидеть немного, может, полегчает.

– Врешь ты все, – говорит Билл. – Тебе страшно. Он хотел сжечь тебя на рассвете, и ты боишься, что так он и сделает. Он бы и сжег, если б спички нашел. Ну не ужас ли, Сэм? Неужто ты думаешь, что кто-то согласится платить деньги, чтобы вернуть домой этого бесенка?

– Обязательно, – говорю я. – Таких чертят родители как раз и обожают. Ну, ладно, вставайте, что ли, да приготовьте завтрак вдвоем с Вождем. А я тем временем схожу на вершину да произведу разведку.

Я поднялся на вершину нашей горки и обвел взглядом прилегающую местность. Я ожидал увидеть, как со стороны города группки крепышей-фермеров, вооружившись косами и вилами, прочесывают окрестности в поисках подлых похитителей. А увидел мирный пейзаж, оживляемый одним-единственным земледельцем, который пахал на сером муле. Никто не тащил бредень по речке в поисках утопленника, и всадники не скакали вперед-назад, чтобы сообщить убитым горем родственникам об отсутствии каких-либо новостей. Все пространство штата Алабама, открытое моему взору, было пронизано сонным покоем дремлющих лесов.

– Видать, до них еще не дошло, – сказал я сам себе, – что волки отбили ягненочка от стада. Боже, помоги волкам! – И я направился вниз по склону, завтракать.

Добравшись до пещеры, я обнаружил, что Билл, тяжело дыша, стоит и прижимается спиной к каменной стене, а мальчишка целится в него камнем величиной с кокосовый орех.

– Он сунул мне за шиворот горячую картошку, – объяснил Билл, – и раздавил ногой. А я надрал ему уши. Где твой кольт, Сэм?

Я отнял у мальчишки камень и кое-как загладил этот инцидент.

– Я тебя прикончу! – говорит мальчишка Биллу. – Еще никто не ударил Рыжего Вождя, не поплатившись за это. Так что берегись!

После завтрака мальчишка вытащил из кармана кусок кожи, обмотанный веревкой, и направился к выходу из пещеры, разматывая веревку на ходу.

– Что он еще задумал? – спрашивает Билл с тревогой. – Как ты думаешь, он не сбежит домой?

– Вот уж не думаю, – говорю я. – Он, похоже, не очень-то домашний ребенок. Однако надо бы нам набросать какой-нибудь план насчет выкупа. Не похоже, чтоб в городе сильно обеспокоились его исчезновением. А может, до них еще не дошло, что он пропал. Родные, может, думают, что он остался ночевать у тети Джейн или у кого-то из соседей. Но сегодня-то его точно хватятся! Ближе к вечеру надо бы отослать письмо папаше и потребовать за мальчишку две тысячи долларов.

И в эту минуту мы услышали боевой клич – такой, наверное, издал Давид, повергнув наземь чемпиона Голиафа, – и какой-то свист. То была праща – это ее Рыжий Вождь извлек из кармана, а теперь раскручивал над головой...

Я увернулся и услышал глухой удар и какой-то вздох – так вздыхает лошадь, когда с нее снимают седло. Это был Билл. Черный камень, величиной с яйцо, угодил ему в голову, как раз позади левого уха. Он как-то весь обмяк и плашмя рухнул на костер, прямо на кастрюлю с кипятком для мытья посуды. Я вытащил его из огня и полчаса кряду поливал холодной водой.

Мало-помалу Билл оклемался и сел. Потом пощупал за ухом и говорит:

– А знаешь, Сэм, кто мой любимый персонаж из Ветхого Завета?

– Успокойся, – говорю я, – сейчас придешь в себя, и все будет хорошо.

– Царь Ирод, – говорит он. – Сэм, ты ведь не уйдешь, не бросишь меня одного?

Тут я вышел из пещеры, схватил мальчишку и начал так его трясти, что его веснушки, казалось, гремели, как камушки в жестяной банке.

– Если ты не будешь вести себя как следует, – говорю я, – я отвезу тебя домой! Сию же минуту, понял? Так что? Будешь слушаться, или нет?

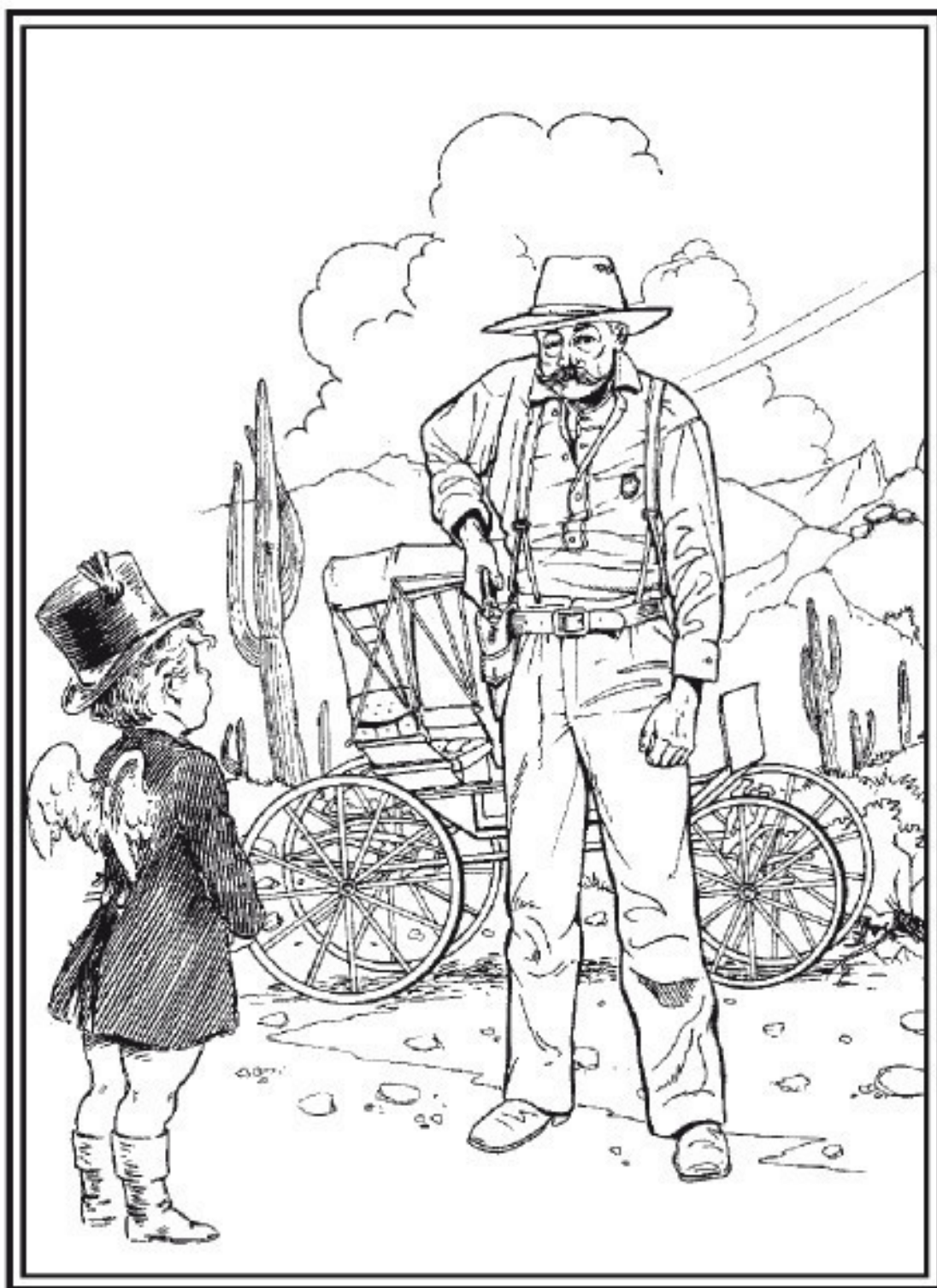
– Я просто пошутил, – говорит он, надувшись, – я не хотел обидеть старину Хэнка. А он зачем меня ударил? Я буду вести себя как надо, Змеиный Глаз, только не отправляй меня домой и дай мне поиграть сегодня в разведчика!

– Не знаю я такой игры, – говорю я. – Это вы с мистером Биллом вдвоем решайте. Сегодня он остается играть с тобой. А мне надо кой-куда отлучиться, по делу. Ну, ступай, помирись с ним. И попроси прощения за то, что ушиб его, а то сейчас же отправишься домой.

Я заставил их пожать друг другу руки, а потом отвел Билла в сторонку и сказал ему, что иду в Тополя – то самое местечко в трех милях от пещеры – и попытаюсь там разведать, что говорят о похищении в городе. К тому же мне казалось, что настало время написать старику Дорсету письмо – сухое и деловитое – потребовать выкуп и четко указать, где и как он должен быть уплачен.

– Знаешь, Сэм, – говорит Билл, – я никогда тебя не подводил, я, глазом не моргнув, шел за тебя в огонь и в воду. Бывало все – землетрясения, пожары, наводнения, игра в покер, взрывы динамита и полицейские облавы, ограбления поездов и ураганы. И никогда я ничего не боялся, пока мы не украли эту двуногую ракету. Он меня просто доконал. Ты ведь не оставишь меня с ним наедине надолго, правда, Сэм?!

– Я вернусь где-то к вечеру, – говорю я. – Твоя задача – занимать и успокаивать ребенка, пока я не вернусь. А теперь давай сядем и напишем письмо старику Дорсету.

Мы с Биллом взяли бумагу и карандаш и принялись сочинять письмо, а Рыжий Вождь тем временем шагал взад-вперед, завернувшись в одеяло, и охранял вход в пещеру. Билл слезно просил меня снизить выкуп с двух до полутора тысяч.

– Я вовсе не пытаюсь принизить нравственную ценность прославленного в веках чувства отцовской любви, но мы-то имеем дело с *людьми*, а какой же *человек* отдаст две тысячи долларов за сорокафунтовую дикую кошку в веснушках?! За полторы тысячи – я согласен рискнуть. Разницу можешь покрыть из моей доли.

Чтобы успокоить его, я согласился, и мы совместными усилиями породили письмо следующего содержания:

«Эбenezеру Дорсету, эсквайру

Ваш сын у нас, он спрятан в надежном месте, далеко от города. Не пытайтесь его искать – это бесполезно. Ни вы, ни самые искусные сыщики не смогут его найти. Единственное и окончательное условие, при котором вы получите его назад: мы требуем за его возвращение полторы тысячи долларов в крупных купюрах. Вы должны оставить деньги в том месте и в той коробке, что и ваш ответ, – где именно, будет указано ниже. Если вы согласны на эти условия – пришлите ваш ответ с посыльным без сопровождения к половине девятого.

За Совиным ручьем по дороге к поселку Тополя, вдоль изгороди пшеничного поля по правую сторону стоят три больших дерева в ста ярдах одно от другого. Напротив третьего дерева под столбом изгороди ваш посыльный найдет картонную коробку. Пусть положит письмо в эту коробку и немедленно возвращается в город.

Если попытаетесь нас надуть или не выполните вышеуказанных требований, вы больше никогда не увидите вашего сына.

Если заплатите вышеуказанную сумму, он будет возвращен вам живым и невредимым в течение трех часов.

Данные условия окончательны, в случае отказа всяческие сношения с вами будут прекращены.

Двое отчаянных мужчин»

Я написал на конверте адрес Дорсета и сунул письмо в карман. Потом уже собрался уходить, как вдруг ко мне подходит мальчишка и говорит:

– Эй, Змеиный Глаз. Ты сказал, что мне можно поиграть в разведчика, пока тебя не будет.

– Играй, конечно, – говорю я. – Мистер Билл с тобою поиграет. А что это за игра такая?

– Я – разведчик, – говорит Рыжий Вождь, – и должен скакать на заставу предупредить поселенцев, что приближаются индейцы. Понимаешь, мне надоело быть дикарем. Хочу быть разведчиком.

– Ну, ладно, играй, – говорю я. – Игра вроде безобидная. Мистер Билл тебе поможет отбить атаки свирепых дикарей.

– А что я должен делать? – спрашивает Билл, глядя на мальчишку с подозрением.

– Ты – конь, – отвечает разведчик. – Становись на четвереньки. А то как же мне добраться до заставы?

– Уж ты подыграй ему, – говорю я Биллу, – пока наше дело не выгорит. Развлекись немного.

Тут Билл опустился на четвереньки и посмотрел так, как смотрит заяц, угодивший в силки.

– А далеко ли до заставы, малыш? – спрашивает он, а голос у него какой-то хриплый.

– Девяносто миль, – отвечает разведчик. – Придется тебе попотеть, чтобы мы не опоздали. Ну, пошел!

Тут он вскочил на Билла верхом и вонзил ему пятки в бока.

– Ради всего святого, Сэм, – говорит Билл, – возвращайся как можно скорее. Зря мы назначили такой большой выкуп, тысяча была бы в самый раз. Эй ты, перестань лягаться, а не то встану и всыплю тебе как следует!

Я пешком добрался до Тополей, зашел на почту и в лавку, посидел там, поболтал с земледельцами, которые съехались делать покупки. Один колоритный тип с роскошными бакенбардами слышал от кого-то, будто в городе переполох, мол, у Эбenezера Дорсета пропал или украден мальчишка. А мне только это и надо было узнать. Я еще купил себе табаку, спросил

мимоходом, почем теперь горох, незаметно опустил письмо в ящик и ушел. Почтмейстер сказал, что городскую почту заберут через час.

Когда я вернулся в пещеру, Билла и мальчишки нигде не было видно. Я обошел окрестности пещеры, даже аукнул пару раз осторожно, но никто не отозвался. Тогда я закурил трубку и уселся на мшистую кочку ожидать развития событий.

Где-то через полчаса в кустах раздался шелест и на полянку перед пещерой шатаясь вышел Билл. За ним, ухмыляясь от уха до уха и ступая бесшумно, как разведчик, крался наш мальчишка. Билл остановился, снял шляпу и вытер лицо красным платком. Мальчишка остановился метрах в трех позади него.

– Сэм, – говорит Билл, – ты, наверное, сочтешь меня предателем, но я не мог поступить иначе. Я взрослый человек с нормальными мужскими наклонностями, и я привык стоять за себя. Однако бывают в жизни случаи, когда все летит коту под хвост – и самообладание, и самоуважение. В общем, мальчишки больше нет. Я прогнал его домой. Все кончено. Я знаю, в стародавние времена встречались мученики, готовые скорее принять смерть, чем отказаться от своего законного дохода. Но ни один из них не подвергался таким сверхъестественным пыткам, как я. Видит Бог, я хотел сохранить верность кодексу нашей грабительской чести. Но всему есть предел.

– Что с тобой приключилось, Билл? – спрашиваю я его.

– Я проскакал до заставы все девяносто миль, дюйм в дюйм. Поселенцы были спасены. И тогда мне дали овса. Песок вместо овса – замена не из лучших. А потом мне пришлось битый час объяснять, почему в дырке ничего нету, с чего это дорога тянется в обе стороны и почему трава зеленая. Говорю тебе, есть предел человеческому терпению. Схватил я его за шиворот и поволок вниз, под гору. А он всю дорогу лягается, у меня все ноги до колена в синяках, два-три укуса в руку и в большой палец – надо бы обработать.

– Но больше его нет, – продолжает Билл. – Ушел домой. Я показал ему дорогу в город и дал пинка – он метра на три отлетел, в нужном направлении. Жаль, конечно, терять выкуп – ну так ведь тут одно из двух: или выкуп, или мне прямая дорога в сумасшедший дом.

Билл пыхтит и отдувается, но на яркорозовом его лице царит выражение невыразимого удовлетворения и неопишуемого счастья.

– Билл, – говорю я, – а у вас в семье сердечных заболеваний не случилось?

– Нет, – говорит он. – Ничего хронического. Только малярия и переломы. А что?

– Тогда можешь повернуться, – говорю я, – и посмотреть, что там у тебя за спиной.

Тут Билл поворачивается и видит мальчишку, белеет как простыня, плюхается на задницу и начинает бессмысленно щипать пальцами травку и перебирать веточки. Целый час я волновался – уж не тронулся ли он умом. А потом рассказал ему, что мой план начал действовать в данную конкретную минуту, что мы получим выкуп и уберемся отсюда еще до полуночи, если старик Дорсет примет наше предложение. Тогда Билл немного приободрился, даже выдавил из себя улыбочку и пообещал мальчишке изображать русского в войне с японцами, как только ему чуть-чуть полегчает.

Я разработал способ забрать выкуп без риска быть схваченным противной стороной, и эта разработка сделала бы честь любому профессиональному похитителю. Дерево, под которым должны были оставить ответ, а потом и деньги, стояло у дороги, вдоль дороги тянулась изгородь, а вокруг, сколько видит глаз – голые поля. Если бы тут притаилась банда констеблей, то всякого, кто придет за письмом – по дороге или через поле, – они увидели бы за версту. Но не-е-ет, родные! Со мной этот номер не пройдет! В половине девятого я уже сидел наверху – да, на дереве, спрятавшись почище древесной лягушки, – и поджидал посыльного.

Ровно в назначенный час подъезжает на велосипеде мальчишка-подросток, отыскивает под столбом коробку, сует в нее сложенную бумажку и катит прочь в сторону города.

Я подождал целый час, потом решил, что подвоха тут нет. Слез с дерева, взял записку, быстренько шмыгнул вдоль изгороди – а там уже и лес, и через полчаса был уже у пещеры. Тут я развернул записку, подсел поближе к фонарю и зачитал ее Биллу. Написана она была чернилами как курица лапой, а суть ее сводилась вот к чему:

«Двум отчаянным мужчинам

Джентльмены, сегодня я получил ваше письмо касательно выкупа, который вы требуете за то, чтобы вернуть мне сына. Думаю, вы несколько погорячились в своих требованиях, а потому я выдвигаю вам свое контрпредложение, и склонен полагать, что вы его примете. Итак, вы приводите Джонни домой и платите мне двести пятьдесят долларов наличными, а я соглашаюсь избавить вас от него. Советую приходить ночью, так как соседи убеждены, что Джонни пропал навсегда. И если тот, кто приведет его домой, попадется им на глаза, – за последствия я не отвечаю.

Примите мое почтение, *Эбenezер Дорсет*»

– Черти и дьяволы, – говорю я. – Да такой наглости я еще...

Тут я взглянул на Билла и умолк на полуслове. Потому что во взгляде его увидел такую мольбу, какой прежде не встречал – ни у бессловесных тварей, ни у говорящих.

– Сэм, – говорит он, – ну что для нас каких-то двести пятьдесят долларов, в конце-то концов. Деньги у нас есть. Еще одна ночь с этим мальчишкой – и смирительная рубашка мне обеспечена. Мало того что мистер Дорсет – настоящий джентльмен, так ведь он еще и транжира, раз делает нам столь великодушное предложение. Сэм, ты не упустишь этот шанс, правда же?

– По правде говоря, Билл, – отвечаю я, – мне этот агнец небесный тоже начал действовать на нервы. Отвезем его домой, заплатим выкуп и рванем отсюда подальше.

В ту же ночь мы отвезли мальчишку домой. Наплели ему с три короба – будто отец купил ему винтовку с серебряной насечкой и пару мокасин, а завтра мы будто бы едем на охоту стрелять медведей.

Было ровно двенадцать, когда мы постучали в парадную дверь Эбenezера. В ту самую минуту, когда мне, в соответствии с первоначальным планом, надлежало изымать полторы тысячи долларов из коробки под деревом, Билл стоял и отсчитывал двести пятьдесят долларов в руку Дорсету.

Когда до мальчишки дошло, что мы оставляем его дома, он взвыл пароходной сиреной и вцепился Биллу в ногу, как пиявка. Отец отдирает его от ноги дюйм за дюймом, словно клейкий пластырь.

– Как долго сможете его держать? – спрашивает Билл.

– Как сказать, силы-то уже не те, – говорит старик. – Минут десять продержусь, а больше не обещаю.

– Годится! – говорит Билл. – Как раз миную Центр, Юг и Средний Запад, а там до канадской границы можно уже и вприпрыжку!

Хоть ночь была темная, Билл очень толстый, а я, как известно, бегун не из последних, но когда мне удалось его догнать, от города нас отделяло уже полторы мили.

Дороги, которые мы выбираем

В двадцати милях от городка Таксон, штат Аризона, «Западный экспресс» остановился у гидранта взять воды. Помимо живительной влаги локомотив этого знаменитого поезда взял на борт и нечто менее живительное.

Покуда кочегар заводил шланг в цистерну, в кабину паровоза поднялись трое. Боб Тидбол, Акула Додсон и индеец-квартиронец из племени крик по кличке Джон Большой Пес влезли к машинисту и показали ему круглые отверстия своих пушек. Три внушительных дырки так впечатлили машиниста, что он заломил руки в театральном жесте, словно хотел воскликнуть: «Скажи мне всю правду, даже самую страшную!»

Повинуясь короткой команде Акулы Додсона, главаря группы захвата, машинист сошел на землю и отцепил паровоз и тендер. Джон Большой Пес, усевшись на куче угля, франтовато наставил два револьвера на машиниста и кочегара и предложил им отогнать локомотив на пятьдесят ярдов и ждать дальнейших указаний.

Акула Додсон и Боб Тидбол, не испытывая никакого интереса к такой бедной золотом породе, как пассажиры, сразу направились к золотой жиле – сейфу почтового вагона. Там они обнаружили умиротворенного и сонного экспедитора, пребывающего в полной уверенности, что экспресс остановился, чтобы пополнить запасы чистой воды, и ни о чем более опасном даже не помышляющего.

Покуда Боб рукоятью своего шестизарядного кольта выбивал эту бредовую идею из его головы, Акула закладывал под сейф заряд динамита.

Грохнул взрыв, который принес чистой прибыли на тридцать тысяч золотом и ассигнациями. Кое-кто из пассажиров высунул голову в окно поглядеть, где это гремит гром. Кондуктор дернул шнур звонка, но тот обвис, не оказав сопротивления. Акула Додсон и Боб Тидбол побросали добычу в грубый брезентовый мешок, прыгнули наземь и побежали к паровозу, увязая в насыпи высокими каблуками.

Машинист, угрюмый и злой, благоразумно повинуясь их приказу, погнал локомотив прочь от неподвижного состава. Тем временем экспедитор, очнувшийся от спячки, вызванной кольтom Боба Тидбола, выскочил из вагона с винчестером в руках. Джон Большой Пес, неосмотрительно усевшийся на тендере с углем, представлял из себя отличную мишень. Он сделал явно неудачный ход, и экспедитор прихлопнул его козырным тузом. Достойный представитель своей профессии от племени крик получил пулю прямо между лопаток и скатился наземь замертво, увеличив таким образом долю добычи каждого из своих товарищей ровно на одну шестую.

В двух милях от гидранта машинисту приказали остановиться. Бандиты издевательски помахали ему ручкой, скатились по крутому склону и нырнули в заросли густого кустарника, окаймлявшего путь. Минут пять они бешено мчались напролом сквозь заросли колючего чапарраля и оказались на опушке негустого леса, где стояли три лошади, привязанные к нижним ветвям деревьев.

Одна из них предназначалась Джону Большому Псу, которому уже не суждено было ездить ни днем ни ночью ни на этой лошади, ни на какой-либо другой. Бандиты сняли седло и уздечку и отпустили ее гулять на воле. На оставшихся двух они сели, уложили брезентовый мешок на лук седла и поскакали через лес, хоть и быстро, но не забывая смотреть по сторонам. Скоро они въехали в дикое пустынное ущелье, и здесь лошадь Боба Тидбола поскользнулась на мшистом валуне и сломала переднюю ногу. Они сразу пристрелили ее выстрелом в голову и уселись, чтобы обсудить план дальнейших действий. Особой спешки не было: отъехав довольно далеко по каменистому ущелью, они могли чувствовать себя в относительной безопасности. От самой быстрой погони их отделяло множество миль и часов. Лошадь Акулы

Додсона тяжело дышала и, волоча по земле уздечку, благодарно щипала травку у ручья в глубине ущелья. Боб Тидбол развязал брезентовый мешок и, зачерпнув его содержимое двумя руками, засмеялся как ребенок, увидев аккуратно заклеенные пачки ассигнаций и тугой мешочек с золотыми монетами.

– Ах ты, бандюга! – игриво обратился он к Додсону. – Ну надо же, все получилось! Точно так, как ты и говорил. Ну и голова у тебя, прямо как у финансиста. Кого угодно в Аризоне заткнешь за пояс.

– Где нам взять лошадь для тебя, Боб? Нам нельзя здесь задерживаться, к утру они организуют погоню.

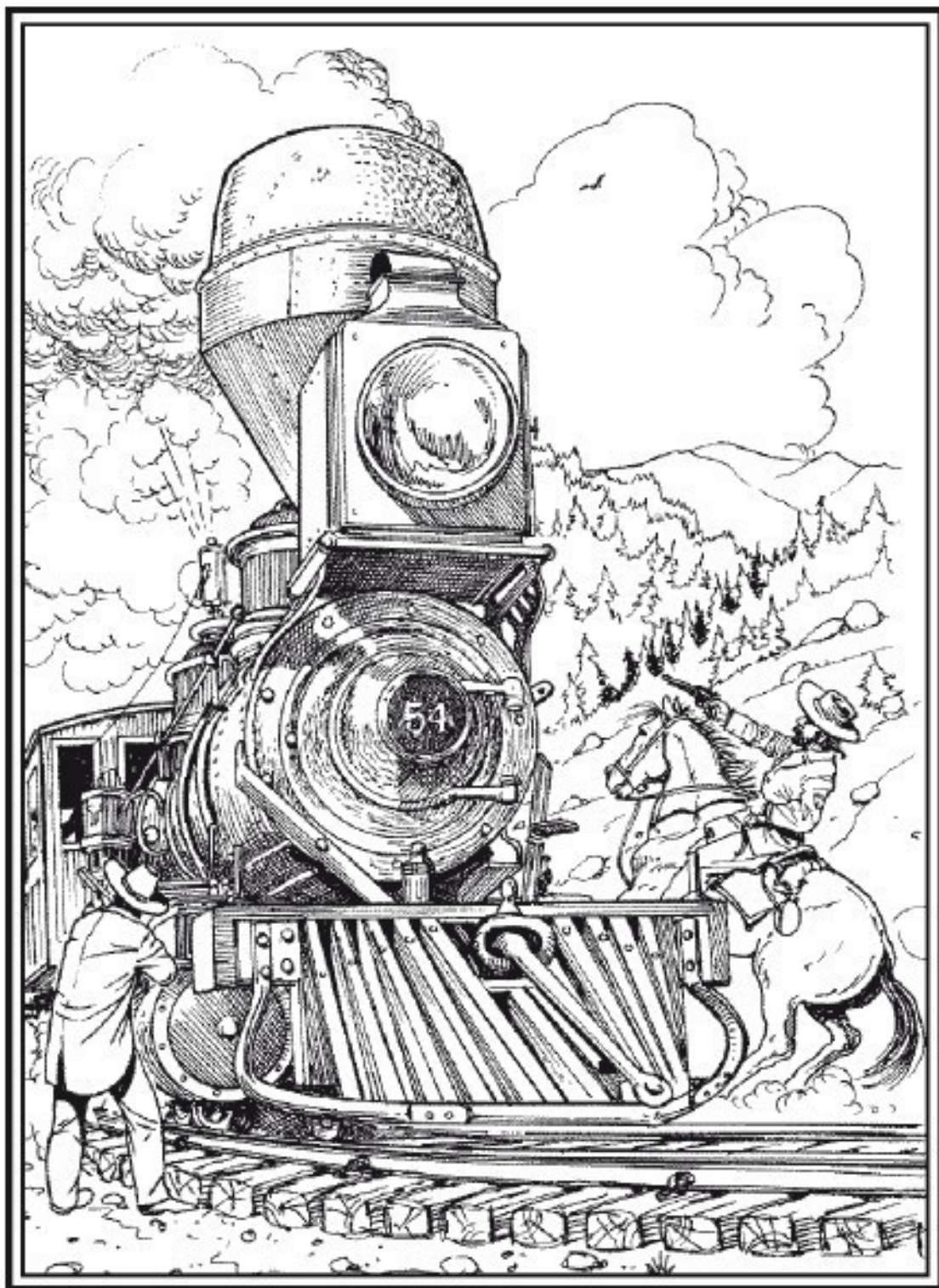
– Ну, пока что твой Боливар понесет двоих, – ответил безмятежно Боб. – А там – раздобудем лошадь. Возьмем первую попавшуюся. Черт побери, вот это улов, а? Если верить тому, что на них написано, здесь тридцать тысяч долларов – по пятнадцать тысяч на брата!

– Я рассчитывал на большее, – сказал Акула Додсон, осторожно трогая пачки с деньгами носком сапога. И тут он задумчиво оглядел мокрые бока своего усталого коня. – Старина Боливар совсем выдохся, – проговорил он медленно. – Жаль, что твоя гнедая сломала ногу.

– Мне тоже жаль, – добродушно отозвался Боб. – Но что теперь поделаешь? Твой Боливар – крепкий коняка, отъедем подальше, а там добудем свежих лошадей. Черт возьми, Акула, я все время думаю, как это так: ты, парень с Востока, приехал сюда, на Запад, и обскакал нас, местных, в нашем-то деле. А из какого ты штата?

– Штат Нью-Йорк, – сказал Акула, усаживаясь на валуне и пожевывая травинку. – Я родился в округе Ольстер, на ферме. Удрал из дому, когда мне было семнадцать. А на Запад я попал случайно. Я шел в Нью-Йорк. Давно мечтал попасть в Нью-Йорк и разбогатеть, мне всегда казалось, что это у меня получится. И вот, иду я по дороге с котомкой за спиной, смотрю – а впереди развилка, и я не знаю, куда повернуть. Я с полчаса раздумывал, а потом повернул налево. А к вечеру набрел на стоянку бродячего цирка. Они ездили по захолустью с ковбойским шоу. С ними я и ушел на Запад. Я часто думаю – может, все сложилось бы иначе, если бы там, на развилке, я выбрал другую дорогу?..

– Чепуха, точно так бы все и сложилось, – весело философствовал Боб Тидбол, – дороги тут ни при чем. Дело не в дорогах, дело в том, что у тебя внутри. От этого и зависит, как все сложится.

Акула Додсон встал и прислонился к дереву.

– Черт побери, ну как же мне жаль, что твоя гнедая сломала ногу, – проговорил он почти трагически.

– Да уж, – согласился Боб, – первоклассная кляча была. Но ничего, Боливар нас вытащит. Слушай, наверное, нам пора двигаться. Сейчас я уложу это хозяйство, и поехали куда-нибудь поближе к лесу.

Боб Тидбол сложил добычу в мешок, затянул его и туго завязал. Он поднял глаза и увидел, что прямо в лицо ему смотрит неподвижное дуло сорокапятикалиберного кольта в твердой руке Акулы Додсона.

– Брось баловаться, – сказал Боб с ухмылкой, – ехать пора.

– Не двигайся, – сказал Акула, – ты никуда не поедешь. Прости, Боб, но уехать может только один из нас. Боливар совсем выдохся, двоих он не вынесет.

– Мы с тобой партнеры, Акула. Уже три года, – тихо сказал Боб. – Вместе жизнью рисковали не раз. Я всегда к тебе относился по-честному, и я думал, что ты человек. Хотя слышал я о тебе всякое, будто ты кому-то стрелял в спину – дело темное. Но я не верил. Если ты пошутил – убери пушку и поехали отсюда скорее. А хочешь стрелять – стреляй, подлая тварь, стреляй, тарантул!

На лице Акулы Додсона было выражение глубокой печали.

– Ты и представить себе не можешь, – глубоко вздохнул он, – как мне жалко, что твоя гнедая сломала ногу.

И тут в одно мгновение лицо его преобразилось, теперь оно выражало холодную жестокость и неукратимую алчность. На краткий миг открылась душа этого человека, словно в окне respectable дома мелькнуло на миг лицо злодея.

Бобу Тидболу и впрямь не суждено было больше ездить. Грянул выстрел – смертоносный кольт сорок пятого калибра не дрогнул в руке вероломного друга. Грохот прокатился по узкому ущелью, отразился от скал и вернулся негодующим эхом. Невольный соучастник Боливар, которому не пришлось трудиться за двоих, стремительно уносил прочь с места преступления последнего из участников ограбления «Западного экспресса».

И вот когда Акула Додсон галопом несся через лес, деревья у него перед глазами вдруг словно растворились, рукоять револьвера каким-то образом превратилась в гнутую ручку кресла, седло почему-то задрапировалось, он открыл глаза – и увидел свои сапоги, но не в стременах, а покоящимися мирно на краю внушительного дубового стола.

Я имею в виду, что Додсон, совладелец маклерской фирмы «Додсон и Деккер» с Уолл-стрит, проснулся в своем кабинете. Прямо перед ним, не решаясь заговорить, стоял доверенный клерк Пибоди. Снизу доносился приглушенный шум колес, убаюкивающе жужжал вентилятор.

– Ой, Пибоди, – часто моргая сказал Додсон, – я, кажется, уснул. Приснились какие-то чудеса... В чем дело, Пибоди?

– Пришел мистер Уильямс, сэр. Из компании «Трејси и Уильямс». Он ждет в приемной. Он пришел рассчитаться за «Икс, Игрек, Зет». Если помните, он много потерял на этом деле.

– Да, помню. А как котируются эти акции сегодня?

– Один восемьдесят пять, сэр.

– Вот пусть и платит один восемьдесят пять.

– Простите, сэр, что говорю об этом, – начал Пибоди, заметно волнуясь. – Но я беседовал с мистером Уильямсом. Он ваш старый друг, сэр. Сегодня вы владеете почти всеми акциями этой компании. И я думал... может быть... то есть вы, наверное, не помните – он продал вам свои акции по девятидесяти восьми. И если он теперь рассчитается по сегодняшней цене – он лишится всего, что у него есть. И вынужден будет продать свой дом.

В одно мгновение лицо Додсона преобразилось. Теперь оно выражало холодную жестокость и неукратимую алчность. На краткий миг открылась душа этого человека, словно в окне respectable дома мелькнуло лицо злодея.

– Пусть платит по один восемьдесят пять. Боливар не вынесет двоих.

Дары волхвов

Один доллар восемьдесят семь центов. И это все. Из них шестьдесят центов монетками по одному. Деньги были по одной-две монетки выторгованы у бакалейщика, и зеленщика, и мясника – и щеки пылали в безмолвном негодовании от такой бережливости. Делла пересчитала три раза. Один доллар восемьдесят семь центов. А завтра Рождество.

Ну что еще тут оставалось, кроме как упасть на дряхленькую кушетку и разрыдаться. Так Делла и поступила. Откуда напрашивается философский вывод, что жизнь состоит из всхлипов, вздохов и улыбок, причем вздохи преобладают.

Пока хозяйка дома постепенно проходит эти стадии, осмотрим дом. Меблированная квартира за восемь долларов в неделю. В обстановке не то что бы вопиющая нищета – но, бесспорно, там слышался ее голос.

Внизу, в передней, находился почтовый ящик, в который не пролезет ни одно письмо, и кнопка электрического звонка, от которой ни одно живое существо не добьется ни звука. К этому всему прилагалась потертая табличка, гласившая: «М-р Джеймс Диллингэм Юнг».

Длина надписи «Диллингэм» словно соответствовала былому благосостоянию владельца, получавшего тридцать долларов в неделю. Теперь, когда расход сократился до двадцати, надпись будто всерьез призадумалась, не сократиться ли и ей до скромного и непритязательного «Д». Но когда бы мистер Джеймс Диллингэм Юнг ни возвращался домой и ни поднимался в свою квартиру, миссис Джеймс Диллингэм Юнг, уже известная вам как Делла, неизменно восклицала: «Джим!» и крепко обнимала его. А это, согласитесь, замечательно.

Делла выплакалась и прошлась по щекам пуховкой. Она стояла у окна и уныло взирала на унылую серую кошку, идущую по серому унылому забору на не менее унылом заднем дворе. Завтра Рождество, а у нее всего один доллар восемьдесят семь центов на подарок Джиму. Она как могла выгадывала каждый цент на протяжении многих месяцев – и вот весь результат. На двадцать долларов в неделю далеко не уедешь. Расходы оказались большими, чем она рассчитывала. Так всегда оказывается. И только один доллар восемьдесят семь центов на подарок Джиму. Ее Джиму! А сколько счастливых часов провела она, выдумывая что-нибудь чудесное ему в подарок. Что-нибудь чудесное, и редкое, и эффектное – что-нибудь, хоть немного достойное великой чести принадлежать Джиму.

В простенке между окнами стояло трюмо. Вероятно, вам доводилось видеть трюмо в восьмидолларовых квартирках. Только очень худой и проворный человек может, наблюдая последовательную смену отражений в его створках, составить довольно определенное представление о своей внешности. Делла, будучи хрупкой, овладела этим искусством.

Внезапно она отпрянула от окна и подскочила к зеркалу. Ее глаза лихорадочно блеснули, но лицо вмиг побледнело. Резким движением она распустила волосы.

Надо сказать, в семье Джеймс Диллингэм Юнг было два сокровища, которыми оба супруга чрезвычайно дорожили. Одним из них были золотые часы Джима, принадлежавшие еще его деду, а потом отцу. Вторым были волосы Деллы. Живи царица Савская в доме напротив, Делла специально сушила бы волосы у окна, чтобы затмить все драгоценности ее величества. Служи царь Соломон швейцаром и храни он все свои сокровища в подвале этого дома, Джим доставал бы свои часы всякий раз, проходя мимо, просто чтобы увидеть, как тот рвет свою бороду от зависти.

Итак, прекрасные распущенные волосы Деллы заструились и засверкали каштановым каскадом. Они спускались ниже ее колен и почти укутывали Деллу, словно плащ. Но тут же, нервно и порывисто, она принялась подбирать волосы. На секунду застыла, будто колеблясь, и несколько слезинок упало на потертый красный ковер.

Старый коричневый плащ на плечи; старая коричневая шляпка на голову. Шурша юбками и поблескивая не высохшими еще слезами в глазах, она устремилась вниз по лестнице, на улицу.

Табличка, у которой она остановилась, гласила: «Madame Sophronie. Различные изделия из волос». Делла стремглав взлетела на второй этаж и остановилась, с трудом переводя дух. Ее встретила Мадам, тучная неестественно набеленная чопорная женщина.

– Купите мои волосы? – выпалила Делла.

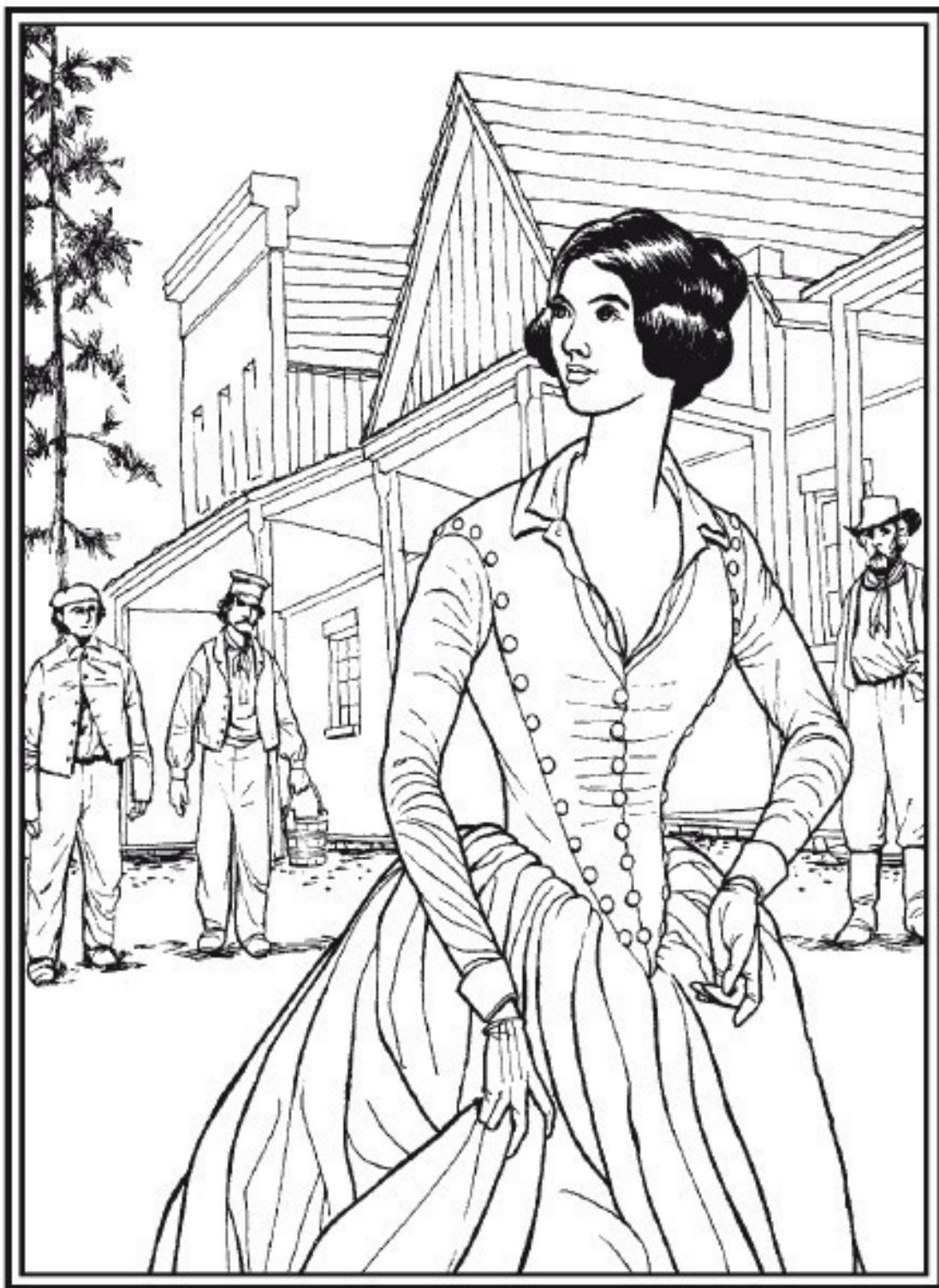
– Я покупаю волосы, – отвечала Мадам. – Снимайте шляпу, посмотрим на ваши волосы. Каштановый каскад заструился по плечам.

– Двадцать долларов, – констатировала Мадам, привычно взвешивая в руке густую массу.

– Давайте мне их скорее сюда! – сказала Делла.

Следующие два часа пролетели для Деллы на розовых крыльях. И это не просто метафора. Она прочесывала магазины в поисках подарка для Джима.

Наконец она его нашла. Бесспорно, это было предназначено для Джима и никого иного. Ничего подобного не находилось ни в одном магазине, а уж она-то перевернула их все вверх дном. Это была платиновая цепочка для часов, простая и элегантная, ценная своей простотой, а не нарочитым блеском – как и все истинно ценные вещи. Она была достойна часов Джима. Едва Делла увидела ее, как поняла, что эта вещь должна принадлежать Джиму. Они были схожи. Скромное достоинство – вот что отличало обоих. Двадцать один доллар стоила Делле эта цепочка, и она спешила домой с восьмидесятью семью центами в кармане. С такой цепочкой на часах Джим сможет запросто поинтересоваться временем в любом обществе. Ведь, имея часы, он порой поглядывал на них тайком из-за потертого кожаного ремешка, заменявшего ему цепочку.

Однако по возвращении домой взбудораженность Деллы сменилась некоторой осмотрительностью и задумчивостью. Она достала щипцы для завивки, зажгла газ и принялась поправлять урон, нанесенный порывом щедрости вкупе с любовью. Что всегда тяжелейший труд, друзья, – колоссальный труд.

Через сорок минут ее голова покрылась крохотными мелкими кудряшками, которые придали ей вид нерадивого школьника. Она долго и придирчиво осматривала свое отражение.

– Что ж, если Джим не убьет меня сразу, – сказала она себе, – а рассмотрит меня хотя бы секунду, то признает, что я похожа на хористку с Коли-Айленд. Но что, что я могла сделать, если у меня был только один доллар и восемьдесят семь центов?

В семь вечера кофе был сварен, а сковорода на плите ожидала приготовления отбивных.

Джим никогда не опаздывал. Делла зажала цепочку в руке и примостилась на краю стола, прямо возле входной двери. Вскоре она услышала его шаги по лестнице на первом этаже и резко побледнела. У Деллы была привычка тихонько молиться о повседневных пустяках, и теперь она шептала: – Боже, пожалуйста, пусть я ему не разонравлюсь!

Дверь открылась, вошел Джим и закрыл ее за собой. Он выглядел измученным и очень серьезным. Бедняга, ему всего двадцать два – а он уже обременен семьей. Ему давно нужно новое пальто, и перчаток у него нет...

Джим застыл у двери, словно сеттер, учуявший перепела. Его взгляд замер на Делле, в глазах застыло непонятное ей выражение, и это ее пугало. В них не было ни злости, ни ошеломления, ни осуждения, ни страха, ни одного из тех чувств, что она ожидала. Он просто уставился на нее со странным выражением на лице.

Делла отпрянула от стола и кинулась к нему.

– Джим, милый, – воскликнула она, – не смотри на меня так! Да, я обрезала волосы и продала, потому что я не пережила бы, если бы у меня не было для тебя рождественского подарка! Они опять отрастут, это ничего, правда же? Я не могла по-другому. У меня ужасно быстро растут волосы. Ну же, Джим, поздравь меня с Рождеством, и будем счастливы. Ты себе не представляешь, какой чудесный, восхитительный подарок я тебе приготовила!

– Ты обрезала волосы? – спросил Джим напряженно, будто ему стоило колоссальных умственных усилий осознать этот факт.

– Обрезала и продала, – сказала Делла. – Но я ведь по-прежнему нравлюсь тебе, правда? Ведь и без своих кос я остаюсь собой, правда же?

Джим растерянно оглядел комнату.

– Так, говоришь, твоих волос больше нет? – с каким-то тупым упрямством повторил он.

– Не ищи их, – сказала Делла. – Они проданы, говорю же тебе: проданы, их больше нет. Сегодня Сочельник, милый. Будь поласковой со мной, я сделала это ради тебя. Может быть, волосы на моей голове и можно пересчитать, – внезапно она посерьезнела, – но невозможно измерить мою любовь к тебе. Я жарю отбивные, Джим?

Тут Джим вышел из оцепенения. Он заключил свою Деллу в объятия. Будем деликатны и оставим их на несколько секунд, а пока займемся рассмотрением какого-нибудь постороннего вопроса. Восемь долларов в неделю или миллион в год – есть ли разница? Математик или мудрец дадут неправильный ответ. Волхвы принесли ценные дары, но не было среди них одного. Впрочем, эти туманные намеки будут разъяснены позднее.

Из кармана пальто Джим достал сверток и швырнул его на стол.

– Не пойми меня превратно, Делл, – сказал он. – Ни одна стрижка, завивка или прическа не заставят меня разлюбить мою девочку. Но ты разверни упаковку, и ты поймешь, отчего я оторопел в первый момент.

Белые проворные пальчики справились с бечевкой, разорвали бумагу. Последовал восторженный возглас радости; увы! – моментально чисто по-женски сменившийся слезами со вздохами, так что хозяину дома пришлось прибегнуть ко всем возможным успокаивающим средствам.

Ибо в упаковке были гребни – набор гребней, задний и два боковых, – те самые, которыми Делла так долго и безнадежно любовалась в витрине одного из магазинов на Бродвее, – чудесные гребни, настоящие черепаховые, украшенные блестящими камушками – и как раз изумительно подходящие к ее каштановым волосам. Они стоили дорого, и Делла это знала, и

ее сердце изнывало и рвалось от безнадежности обладания ими. И вот они ее, но нет уже тех прекрасных кос, которые должно было украсить их великолепие.

Но Делла прижала их к груди, подняла затуманенный слезами взор на Джима и вымученно улыбнулась:

– У меня ужасно быстро растут волосы, Джим!

Тут Делла подхватила, как ошпаренный котенок, с возгласом:

– Ах, боже мой!

Ведь Джим еще не видел ее чудесного подарка. Она протянула ему цепочку на открытой ладони.

Бледный равнодушный металл, казалось, заискрился ее бурным воодушевлением.

– Разве не чудо, Джим? Я обшарила весь город в поисках этого. Теперь ты будешь смотреть на время по сто раз на дню. Дай мне свои часы. Я хочу взглянуть, как они смотрятся вместе.

Но вместо этого Джим опустил на кушетку, потянулся и сказал с улыбкой:

– Делл, давай отложим наши рождественские подарки и прибережем их до поры. Они слишком хороши для нас сейчас. Я продал часы, чтобы выручить деньги и купить тебе гребни. А сейчас, думаю, самое время жарить отбивные.

Знаете, волхвы – те самые, что принесли дары младенцу в яслях, – были мудры – чрезвычайно мудры. От них пошел обычай преподносить подарки на Рождество. Сколь мудры они, столь мудры их подарки – быть может, даже с правом обмена в случае непригодности. А я тут поведал вам ничем не примечательную историю двух глупых детей из заурядной квартирки, которые так бессмысленно принесли друг другу самые сокровенные свои богатства. Но, надо сказать, из всех дарителей они и есть мудрейшие. И мудры истинно лишь дарители, подобные им. Везде и всегда. Они и есть волхвы.

Справочник Гименея

Я, автор сего, Сандерсон Пратт, полагаю, что образовательная система Соединенных Штатов должна находиться в ведомстве бюро погоды. Могу привести вам неопровержимые доводы. Ну скажите на милость, почему бы университетских профессоров не перевести в метеорологический департамент? Читать они умеют, так что с легкостью могут просматривать утренние газеты и сообщать в главный офис, какой погоды ожидать. Но у этого вопроса есть и другая, более интересная сторона. Сейчас я расскажу вам, как погода преподавала мне и Айдахо Грин светский урок.

Мы искали золото в горах Биттер-Рут, за хребтом Монтана. Один бородатый малый в местечке Уолла-Уолла, бог весть на что возлагая надежды, вручил нам аванс; и теперь мы поне-многу ковыряли горы, располагая запасами продовольствия, способными прокормить целую армию в период мирной конференции.

Однажды приезжает к нам из Карлоса почтальон, делает у нас привал, проглатывает три банки консервов и оставляет нам свежую газету. А в газете были сводки прогноза погоды, и карта, которую она сдала горам Биттер-Рут с самого низа колоды, означала: тепло и ясно, легкий западный ветерок.

В тот же вечер пошел снег и подул сильнейший восточный ветер. Мы с Айдахо перенесли свою стоянку выше, в старую хижину, полагая, что это всего лишь налетела ноябрьская метелица. Но когда уровень снега достиг трех футов, мы поняли, что дело принимает серьезный оборот, а также то, что нас занесло. Топливом мы основательно запаслись еще до того, как его засыпало, продовольствия у нас было достаточно на два месяца вперед, поэтому мы предоставили стихии бушевать, как ей заблагорассудится.

Если вы хотите поощрить ремесло человекоубийства, запирайте двоих на месяц в одной хижине размером восемнадцать на двадцать футов. Человеческая натура не в силах вынести такое.

Когда упали первые снежинки, мы похохатывали над остротами друг друга и нахваливали бурду, которую извлекали из котелка и называли хлебом. К концу третьей недели Айдахо выдает:

– Мне никогда не приходилось слышать звук, который издают капли кислого молока, падая с воздушного шара на дно кастрюльки, но, уверен, они – сказочная музыка по сравнению с бульканьем вялой струйки дохлых мыслишек, истекающей из ваших разговорных органов. Полупрожеванные звуки, которые вы ежедневно издаете, напоминают мне коровью жвачку с той только разницей, что корова – существо благовоспитанное и держит свое при себе, а вы нет.

– Мистер Грин, – не остаюсь в долгу я, – мы были приятелями, и потому я сомневался, признаваться ли вам, что, будь у меня выбор между вашим обществом и обществом кудлатой колченогой дворняги, один из обитателей этой хижины сейчас бы вилял хвостом.

В таком духе мы переговариваемся два или три дня, а потом и вовсе не молвим ни слова. Мы делим кухонные принадлежности, и Айдахо готовит на одном конце очага, а я – на противоположном. Снега навалило уже по самые окна, и приходилось поддерживать огонь целыми днями.

Признаться, ни у меня, ни у Айдахо не было образования, не считая умения читать и вычислять на доске: если у Джона было три яблока, а у Джеймса пять... Мы никогда не чувствовали особой потребности в университетском дипломе, ведь, косясь по свету, мы приобрели достаточно истинно полезных знаний и умений, чтобы не пропасть в критической ситуации. Но, заточенные в заснеженной хижинке в Биттер-Рут, впервые в жизни мы почувствовали, что, изучай мы в свое время Гомера, греческий, дроби и прочие высокие материи, мы имели бы сейчас гораздо больше пищи для ума и предмета для размышлений. Я наблюдал множество юнцов,

вышедших из восточных колледжей и работающих в ковбойских лагерях по всему Западу, и пришел к выводу, что образование было для них меньшей помехой, чем это могло казаться. Например, однажды на Снейк-Ривер лошадь Андру Мак-Уильямса подцепила чесотку. Так он погнался за десять миль тележку за одним из тех чудачков, что величают себя ботаниками. А лошадь все равно сдохла.

Однажды утром Айдахо шарил поленом по высокой полке, до которой невозможно было дотянуться рукой. На пол упали две книги. Я бросился к ним, но напоролся на взгляд Айдахо. И он заговорил, впервые за эту неделю.

– Не ошпарьте пальчиков, – сказал он. – Хотя вы ходите в компаньоны только спящей черепахе, я, так и быть, поступлю с вами благородно. И это, заметьте, больше того, что сделали ваши родители, выпустив вас в жизнь с общительностью гремучей змеи и отзывчивостью мороженой репы. Играем с вами до туза, кто выиграет – выбирает себе книгу, проигравший довольствуется оставшейся.

Мы сыграли. Айдахо выиграл. Он выбрал себе книгу, я забрал свою. Мы разошлись по своим углам и набросились на чтение.

В жизни не был я так рад и самородку в десять унций, как этой книге. Айдахо смотрел на свою, как дитя на леденец.

Моя книжонка была небольшая, размером пять на шесть дюймов, и называлась «Херкимеров справочник необходимых познаний. Может, я и ошибаюсь, но, кажется, это величайшая книга из всех когда-либо написанных. Она хранится у меня до сих пор, и с ее помощью я любого пятьдесят раз обставлю в пять минут. Куда до нее Соломону или «Нью-Йорк трибьюн»! Херкимер обоим заткнет за пояс. Должно быть, человек путешествовал лет пятьдесят и преодолел миллион миль, что набрался такой премудрости. Тут тебе и популяция всех городов, и способ, как узнать возраст девушки и количество зубов у верблюда. И про длиннейший туннель в мире, и количество звезд, и через сколько дней высыпает ветряная оспа, и параметры женской шейки, и права на вето губернаторов, и даты строительства римских акведуков, и сколько фунтов риса можно купить, не выпивая три кружки пива в день, и среднегодовая температура в Огэсте, что в штате Мэйн, и сколько нужно семян моркови, чтобы засеять один акр рядовой сеялкой, и какие бывают противоядия, и количество волос на голове у блондинки, и как хранить яйца, и высоту всех гор в мире, и даты всех войн и сражений, и как приводить в чувство утопленников и пораженных солнечным ударом, и сколько гвоздей идет на фунт, и как обращаться с динамитом, цветами и постельным бельем, и что предпринять до прихода доктора – и еще пропасть всяких вещей. Может, Херкимер чего-то и не знал, но по книжке этого было не заметно.

Я просидел за чтением четыре часа кряду. В ней были заключены все чудеса познания. Я забыл про снег, я забыл про разлад между мной и стариной Айдахо. А он притаился на стуле за своей книжкой, и какая-то мягкость и загадочность светилась на его лице сквозь ржавую бороду.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.